

DOI: 10.46698/g3597-4701-6076-q

ОБ АЛАНСКОМ НАСЛЕДИИ НА ЗАПАДЕ

Р. Г. Дзаттиаты

В результате процессов, сопровождавших Великое переселение народов, аланы, попав в Западную Европу, были ассимилированы, оставив во Франции, Северной Италии, Испании, Англии несколько сотен топонимов, связанных с ними. Следы пребывания алан на Западе впервые были обобщены В. А. Кузнецовым и В. К. Пудовиным. Появление труда американского ученого Б. Бахраха «Аланы на Западе» сняли скептицизм по отношению к роли алан в истории народов Западной Европы. О роли алан в исторических событиях Западной Европы раннего и зрелого Средневековья было отчетливо заявлено в трудах В. Б. Ковалевской, Франко Кардини, Говарда Рида, Скотта Литлттона, Линды Малкор. Особенно замечательна объемная работа Агусти Алемани «Аланы в древних и средневековых письменных источниках». У алан было заимствовано устройство конного войска, а вместе с этим, вероятно, и экипировка всадника, важной деталью которой был воинский пояс. Пряжка со щитком такого пояса служила у алан маркером статуса: в зависимости от того, из какого материала она была изготовлена (золото, серебро, бронза), она указывала на место в социальной иерархии. Трехлепестковый орнамент в результате модификаций вполне мог стать основой или прообразом особого знака-символа — так называемой «королевской лилии». Схему трансформации трехлепесткового узора в лилию можно проиллюстрировать рисунками пряжек. Надо полагать, что аланы оставили свой след не только в топонимике, организации конного войска, но и в орнаментике, фольклоре, антропонимике и других проявлениях культуры, которые необходимо тщательно исследовать.

Ключевые слова: аланы, могильники, рыцарство, топонимика, геральдика.

Многочисленные аланские потоки, устремившиеся еще в раннем средневековье в Европу, по разным причинам в конечном итоге растворились в европейских народах, и исследователи с немалым трудом отыскивают фрагменты культуры алан. Интересны в этой связи сведения, удостоверяющие пребывание алан в Европе. Их не мало, но они отрывочны, а иногда и противоречивы.

Кажется, первыми, кто обобщил сведения об аланах, оказавшихся в Европе, были В. А. Кузнецов и В. К. Пудовин [1], рассмотревшие различные взгляды европейских ученых на роль алан в исторических событиях, проис-

ходивших в Европе, справедливо критикуя их в отношении преуменьшения, а то и игнорирования этой роли в истории европейских государств [1, 80-83]. Ими же был сделан вывод о том, что самым достоверным доказательством на то время было наличие аланских топонимов в Западной Европе в некотором сочетании с археологическим материалом, а более определенные выводы откладывались на будущее: «Дальнейшее накопление и изучение материала позволит в будущем более определенно решить об археологических следах алан в Западной Европе и их вкладе в ранне-средневековую европейскую культуру» [1, 95].

Скептическое отношение европейских ученых к участию алан в истории европейских народов было резко нарушено появлением в 1973 г. работы американского ученого Б.С. Бахраха «Аланы на Западе» [2]. Несмотря на некоторые явные недочеты этой книги, отмеченные М.Д. Черчесовой [3, 106-108], работа Бернарда Бахраха, надо полагать, послужила толчком для целой серии книг, в которых роль алан в исторических событиях стран Западной Европы — Франции, Италии, Германии, Англии, Испании — выявляется довольно четко.

В 1992 г. В.А. Кузнецов вновь обратился к теме алан в Западной Европе, переработав свою совместную с В.К. Пудовиным статью, где отмечает, что на Западе Римской империи «аланы сыграли немалую роль в ее дальнейшей судьбе» [3, 30]. В той же статье Кузнецов отметил: «Выход в 1973 году монографии американского историка Б. Бахраха «История алан на Западе» основательно изменил ситуацию с изучением этой проблемы, и она отныне не может рассматриваться вне труда Б. Бахраха» [3, 10].

Статья В.Б. Ковалевской в том же сборнике «Alapica-I», где помещены статьи В.А. Кузнецова и М.Д. Черчесовой [3] — «Аланы в Западной Европе (сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии, IV вв.)», содержит 336 явных или искаженных сармато-аланских топонимов, говорящих о пребывании и оседании сармат и алан во Франции, Северной Италии и Испании. Эта работа окончательно похоронила скептицизм в отношении роли и места алан в Западной Европе [3, 34-85].

Еще в 1981 г. преподаватель Флорентийского университета Франко Кардини опубликовал ставшую знаковой

книгу «Истоки европейского рыцарства» [4]. По Ф. Кардини, «с азиатского Востока... появились не только полчища искусных и бесстрашных всадников, повергших в ужас и трепет жителей Европы, но вместе с ними был занесен как некий прекрасный социальный и культурный идеал — образ воителя верхом на коне, защитника людей и повергателя чудовищ, оказавшийся исключительно важным для становления рыцарства и, более того, средневекового христианства и средневекового менталитета вообще. Святой Георгий, святой Мартин или прекрасный Парцифаль, по мнению итальянского исследователя, прямые наследники более древних богов-всадников» [4, 18]. Под этими божественными всадниками Кардини подразумевает скифо-сармато-алан в союзе с готами. При этом итальянский профессор преувеличивает роль готов, однако не забывает и алан, цитируя Аммиана Марцеллина: «Аланы очень заботливо относятся к лошадям... те, кто по возрасту или полу слабы, передвигаются на колесницах. Юноши, с малолетства привыкшие к верховой езде, почитают бесчестием ходить пешком... Они отличные воины. Воинской доблестью скифы обязаны своему происхождению» [4, 62].

Кардини приводит впечатляющие примеры исходных моментов куртуазности в текстах Нартовского эпоса. И главный его вывод: аланы внесли значительный вклад в средневековое рыцарство.

О восточных корнях легенд о короле Артуре повествует исследование Говарда Рида — «Артур — король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии», написанной в 90-х гг. XX в. и изданной в переводе на русский язык в 2006 г. Это настоящий гимн сарматам, с которыми автор связывает

как зарождение, так и многие эпизоды деяний короля Артура [5].

Еще глубже и проникательнее уходят американские ученые К. Скотт и Линда А. Малкор, утверждая в своей книге «От Скифии до Камелота» [6], что легенды об Артуре и священной чаше Грааля принесли в Галлию и Британию аланы: «...и Ланселот, и Артур имеют выраженные параллели с героями сказаний северо-восточных иранцев. Эти параллели распространяются и на некоторых других рыцарей Круглого Стола» [6, 158]. Эти «сказания северо-восточных иранцев» — нартовский эпос осетин, на который авторы ссылаются.

Работы Б. Бахраха, Ф. Кардини, Г. Рида, К. Скотт Литлона и Линды А. Малкор, снабженные развернутыми комментариями и списками использованной литературы, наглядно демонстрируют большой объем затраченного труда. Наиболее объемлющие сведения об аланах привел каталонский ученый Агусте Алемани в своем почти энциклопедическом труде «Аланы в древних и средневековых письменных источниках» [7], изданном сначала на английском языке (2000), а затем и в переводе на русский (2003). О достоинствах и недостатках этой работы говорится в рецензии Ю.С. Гаглойти, напечатанной в журнале «Nartamongæ» [8, 271-289].

Совсем недавно вышла книга М.В. Цховребовой «Мистерии нартиады» [9], где приводятся любопытные параллели между мистериями религий древности и нартовских сказаний осетин. Рассмотрев и проанализировав ряд источников и исследований европейских ученых [9, 125-127], автор обнаруживает следы культурного взаимодействия сармат с предками европейских народов.

В.Б. Ковалевская в результате анализа письменных источников о пребывании многочисленных воинских контингентов в разных местах Западной Европы, с привлечением топонимов, связанных с аланами, археологических и антропологических свидетельств, предполагает закономерным говорить о существенном вкладе алан в жизнь Западной Европы эпохи раннего средневековья [3, 71].

Бернард С. Бахрах в своей книге отводит специальный раздел об этом вкладе — «Аланское влияние на Западе» [2, 129-141], где пишет: «Если говорить о том наследии, которое оставили аланы в Западной Европе... то в первую очередь следует отметить их влияние на развитие военного искусства и облика аристократии. Некоторый след был оставлен аланами также в художественном ремесле, религии и литературе» [2, 140]. Упоминается конная охота, охотничья собака *Alano*, целый ряд духовных лиц аланского происхождения, изображения алан на памятниках архитектуры и др. Но, видимо, наиболее ярко влияние алан на жизнь европейцев проявилось в военном деле, воинском искусстве, ибо они были неподражаемы в этом роде деятельности. Аланы были примером для создания конного войска с использованием драконовидных штандартов. Вместе с созданием конных отрядов были восприняты и тактические приемы ведения боя, как, например, тактика ложного отступления [2, 106-108]. Надо полагать, что были заимствованы и элементы конской упряжи, не говоря уже об оружии, которым аланы владели мастерски.

Не могла остаться в стороне и удобная одежда всадника. Вряд ли остался без внимания воинский пояс, пряжка которого в зависимости от металла, из которого его сделали (бронза, сере-

бро, золото) — была четким индикатором статуса всадника в воинской иерархии.

Аланские пряжки были хорошо изучены, датированы и систематизированы В.Б. Ковалевской в своде «Поясные наборы Евразии» [10]. Эта книга надолго останется эталонной для изучающих средневековую археологию Евразии. За 40 лет со времени издания той работы база данных, безусловно, значительно пополнилась, но вряд ли что-нибудь существенное можно внести в классификацию и датировку этих артефактов. Только жаль, что поясные пряжки, найденные в Европе, не входят в перечень аланских пряжек. Найденные в Европе аланские пряжки в основном примыкают к пряжкам со вставками из стекла и камня. Не может быть, чтобы остались только пряжки знати, т.е. изготовленные из драгоценных металлов. Очень большая вероятность их обнаружения в будущем.

При рассмотрении щитков поясных пряжек, приведенных в работе Ковалевской, наше внимание было обращено на их оформление. На литых бронзовых пряжках нередко изображения трилистника. Такие «трилистники» в виде трех выступающих «зубчиков» располагались на конце щитка [10, табл. XX, 15], из горного Алтая, на щитках из Пятигорья, Нальчика, Баксана [10, табл. XIII, 6], Рутхи, Чир-Юрта, Архона [10, табл. XIII, 7]. Трилистник фигурирует и в центре пряжки, например из Камунта [10, табл. XV, 9] и Едыс [11, 102]. На пряжке из Эски-Кермена «трилистник» — в составе композиции [10, табл. XI, 12]. Следующий этап — это «трилистник», или точнее трехлепесточник, украшенный завитками между лепестками; а между ними «завитки», исходящие из одной точки. Такие пряжки найдены в Симеизе, Феодосии,

Крюково-Кужновском могильнике [10, табл. VI, 6].

На щитке пряжки, найденной в Бродовском могильнике, три лепестка с завитками перехвачены у основания обоймицей [10, табл. VI, 7].

И, наконец, пряжка со щитком и наконечник пояса, найденные в катакомбе №59 Даргавского могильника, украшены орнаментом в виде лепестков с завитками между ними и с перехватом-обоймицей у основания [12, 167] (рис. 1).

Если подобные пряжки с орнаментацией из трех лепестков с завитками между ними и с перехватом у основания были у алан, оказавшихся в Европе, то для мастеров декоративного искусства ничего не стоило убрать завитки, оставив наиболее значимую часть, и сделать изображение «фамильного» или «родового» герба. Именно этот символ, получивший название *лилии*, стал знаком короля — «королевской лилией», ставшей эмблемой французских королей с 1147 г. [13, 206]. Но французы не были оригинальны: такую же «лилию» имела и Флоренция (рис. 2).

Подобная стилизованная лилия фигурирует на гербе немецкого города Висбадена, на флаге канадской провинции Квебек и даже стала эмблемой скаутов [14, 103].

Вероятнее всего, «лилия» первоначально была геральдическим знаком или эмблемой высокопоставленного алана из французской аристократии и только потом была заимствована королевской геральдикой.

Конечно, наши предположения об истоках «королевской лилии» были бы более аргументированными на фоне находок аланских пряжек в Западной Европе. Но таковых пока нет. Остается надеяться на будущие находки, которые должны быть. Обнаружен-

Рис. 1. Поясная пряжка с подвижным щитком и наконечник пояса из катакомбы № 59 Даргавского могильника.

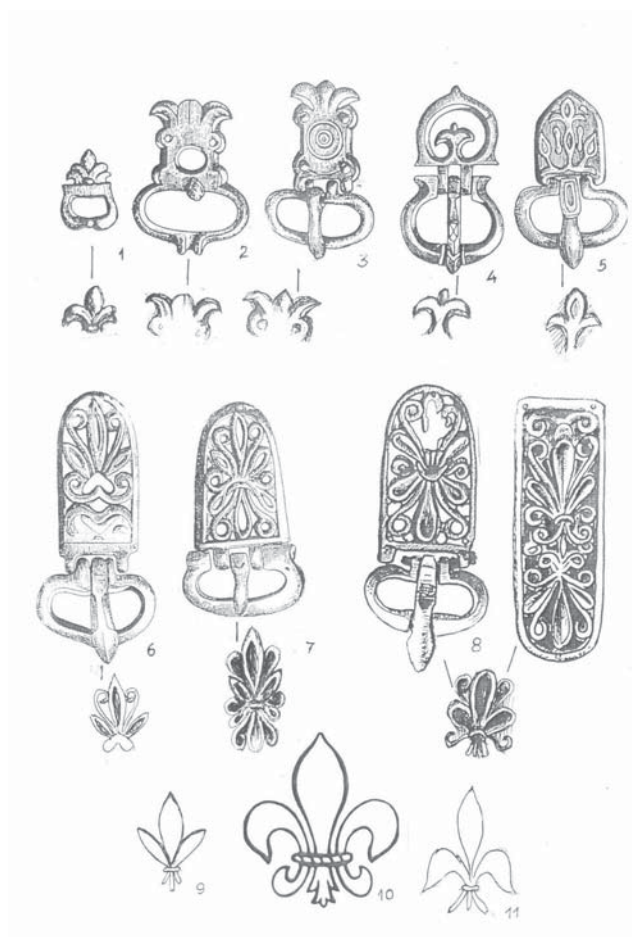

Рис. 2. Пряжки из аланских могильников
 1. Горный Алтай; 2. Пятигорск, Нальчик, Баксан; 3. Рутха, Чир-Юрт, Архон; 4. Камунта, Едыс; 5. Эски-Кермен; 6. Симеиз, Феодосия, Крюково-Кужновский; 7. Бродовский; 8. Даргавс; 9. Предполагаемая исходная модель или основа будущей «королевской лилии»; 10. Стилизованный трилистник «королевская лилия»; 11. Эмблема Флоренции.

ные в Европе во время раскопок аланские погребения оказались в основном женскими. Это может быть объяснено тем, что хранителем традиционных погребальных обрядов были именно женщины. Даже до сих пор наиболее стойкими исполнителями погребальных обрядов у осетин являются женщины. Именно они соблюдают ритуал погребения. Мало того, даже в свадебной обрядности только женщины надевают свадебный костюм, пусть даже

одномоментно, в день свадьбы. А мужская часть алано-осетинского общества, надо полагать, быстрее ассимилируется. Об ассимиляции алан в Европе писал и Бахрах [2, 140]. Поиски следов алан вряд ли ограничиваются могильниками, топонимикой и антропонимикой. Еще не рассмотрены такие аспекты деятельности человеческих масс, как фольклор, орнаментика, лексика и многое другое. Все еще впереди — и ошибки, и открытия.

-
1. Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // Советская археология. 1961. №2. С. 79-95.
  2. Бахрах С. Бернард. Аланы на Западе (от первого упоминания их в античных источниках до периода раннего средневековья). М., 1993.
  3. Черчесова М. Д. Бернард С. Бахрах и его «История алан на Западе» // *Alanica I*. Аланы. Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
  4. Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
  5. Рид Говард. Артур — король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. М., 2006.
  6. Скотт К. Литлтон, Линда А. Малкор. От Скифии до Камелота. М., 2007.
  7. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
  8. Гаглойти Ю. С. Новый труд по истории алан // Нартамонгæ. Журнал алано-осетинских исследований. Эпос. Мифология. Язык. История. Париж — Владикавказ, 2007. Вып. IV. № 1, 2.
  9. Цховребова М. В. Мистерии нартиады. Цхинвал: Южная Алания, 2019.
  10. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии. IV-IX вв. Пряжки // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1979. Вып. 1-2.
  11. Дзаттиаты Р. Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ: Ир, 2006.
  12. Дзаттиаты Р. Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ, 2014.
  13. Вольфганг Бауэр, Ирмтрауд Дюмоти, Сергиус Головин. Энциклопедия символов. М.: Крон-Пресс, 2000.
  14. Баешко Л. С., Гордиенко А. Н., Гордиенко А. Н. Энциклопедия символов. М.: Эксмо, 2007.

Dzattiaty, Ruslan G. — V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); soigsi@mail.ru

ON THE ALANIAN HERITAGE IN THE WEST.

Keywords: Alans, burial grounds, chivalry, toponymy, heraldry.

As a result of the processes that accompanied the Great Migration of Nations, the Alans, having fallen into Western Europe, were assimilated, leaving several hundred place names associated with them in France, Northern Italy, Spain, and England. The traces of the Alans» stay in the West were first generalized by V. A. Kuznetsov and V. K. Pudovin. The appearance of the work of the American scientist B. S. Bachrach «Alans in the West» removed skepticism regarding the role of the Alans in the history of the peoples of Western Europe. The role of the Alans in the historical events of Western Europe of the early and mature Middle Ages was clearly stated in the works of V. B. Kovalevskaya, Franco Cardini, Howard Reed, Scott Littleton, Linda Malkor. Particularly remarkable is the voluminous work of Agusti Alemany «Alans in ancient and medieval written sources.» The Alans borrowed the device of the horse army, and with it, probably, the equipment of the horseman, an important detail of which was the military belt. The buckle with the shield of such a belt served as a status marker for the Alans: depending on what material it was made of (gold, silver, and bronze) it indicated a place in the social hierarchy. As a result of modifications, the three-petal ornament could very well become the basis or prototype of a special sign-symbol — the so-called «royal lily». The transformation pattern of a three-petal pattern into a lily can be illustrated with buckle patterns. It must be assumed that the Alans left their mark not only in toponymy, organization of the cavalry army, but also in ornamentation, folklore, anthroponymy and other cultural manifestations, which must be carefully studied.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V. A., Pudovin V. K. *Alany v Zapadnoi Evrope v epokhu «Velikogo pereseleniya narodov»* [Alans in Western Europe during the era of the «Great Migration of Peoples»]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1961, no. 2 pp. 79-95.
2. Bachrach, Bernard. *Alany na Zapade (ot pervogo upominaniya ikh v antichnykh istochnikakh do perioda rannego srednevekov»ya)* [Alans in the West (from the first mention of them in ancient sources to the period of the early Middle Ages)]. Moscow, Ard, 1993. 194 p.
3. Cherchesova, M. D. *Bernard S. Bakhrakh i ego «Istoriya alan na Zapade»* [Bernard S. Bachrach and his «A History of the Alans in the West»]. *Alanica I. Alany. Zapadnaya Evropa i Vizantiya* [Alanica I. Alany. Western Europe and Byzantium]. Vladikavkaz, 1992.
4. Cardini, Franco. *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [The origins of medieval chivalry]. Moscow, Progress, 1987. 384 p.
5. Reid, Howard. *Artur — korol» drakonov. Varvarskie istoki velichaishei legendy Britanii* [Arthur the dragon king. The Barbaric roots of Britain's Greatest Legend]. Moscow, Menedzher, 2006. 360 p.
6. Littleton, C. Skott, Malkor, A. Linda. *Ot Skifi do Kamelota* [From Scythia to Camelot]. Moscow, Menedzher, 2007. 491 p.
7. Alemany, A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow, Menedzher, 2003. 608 p.

8. Gagloiti, Yu. S. *Novyi trud po istorii alan* [A new work on the history of the Alans]. *Nartamongæ. Zhurnal alano-osetinskikh issledovaniï. Epos. Mifologiya. Yazyk. Istoriya* [Nartamongæ. Journal of Alano-Ossetian Studies. Epos. Mythology. Language. History]. Paris — Vladikavkaz, 2007, iss. IV, no. 1, 2.

9. Tskhovrebova, M. V. *Misterii nartiady* [The mysteries of Nartiada]. Tskhinval, Yuzhnaya Alaniya, 2019. 127 p.

10. Kovalevskaya, V. B. *Poyasnye nabory Evrazii. IV-IX vv. Pryazhki* [Belt sets of Eurasia. IV-IX centuries. Buckles]. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archaeology of the USSR. Collection of archaeological sources]. Moscow, Nauka, 1979, iss. 1-2.

11. Dzattiaty, R. G. *Tsartsiatskie pamyatniki: Edysskoe gorodishche i mogil'niki* [Tsartsiata monuments: Edys settlement and burial grounds]. Vladikavkaz, Ir, 2006. 175 p.

12. Dzattiaty, R. G. *Alanskie drevnosti Dargavsya* [Dargav's Alanian Antiquities]. Vladikavkaz, Ir, 2014. 239 p.

13. Wolfgang Bauer, Irmtraud Dümotz, Sergius Golowin. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Kron-Press, 2000. 512 p.

14. Baeshko, L. S., et al. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Eksmo; Smolensk, Nashe slovo, 2007. 302 p.